

Неделю спустя П. И. Лялин в письме к Хвостову от 12 мая 1834 года из Москвы посетовал на происходящие в отечественной словесности изменения, по его мнению, не в лучшую сторону: «Я замечаю в себе какое-то хладное равнодушие к произведениям известных наших писателей: Пушкина и Жуковского. Давно ли же гладинькие <sic!> стишки первого восхищали меня, как ребенка красивая игрушка, давно ли меланхолическая поэзия последнего укрощала пылкое, бурное воображение юности, настраивая его под камертон поэта. Отчего же теперь ослабело их магическое на меня влияние? <...> Русские сказки, которыми Пушкин и Жуковской наполняют смирдинскую библиотеку, убавюкали — как мне кажется — последнее к ним внимание читателей так, что едва ли они, пробудясь от сна, встретят их тою же радостною улыбкою, как бывало во время оно».⁹³

Как видим, отрицательный отзыв одного из рядовых читателей отражал настроение той части читающей публики, для которых Пушкин и Жуковский оставались кумирами 1810–1820-х годов, и их сказки⁹⁴ были встречены ею довольно прохладно. Публика ждала произведений, подобных тем, что создавались ими ранее, не понимая и не принимая новых. Об этой когорте ценителей российской словесности совершенно справедливо высказался Гоголь, считавший, что некоторые из пушкинских «мелких сочинений так резко ослепительны, что их способен понимать всякой, но зато большая часть из них и притом самых лучших кажется обыкновенною для многочисленной толпы. Чтобы быть доступну понимать их, нужно иметь слишком тонкое обоняние».⁹⁵ А пока читательский менталитет не поспевал за гением, ему была неподвластна творческая эволюция Пушкина.

Символично рядом со скептическим заявлением обычного пушкинского современника звучит отзыв О. И. Сенковского в обозрении издания Смирдина: «Имена Жуковского и Пушкина в состоянии сообщить высокую цену всякой книге, в которой они находятся, тем более что в наших поэтах заключается весь блеск нашей словесности. <...> Поэты — настоящее украшение русской словесности, и после нашего века, вероятно, одни они останутся из него для потомства».⁹⁶ И это предвидение во многом стало пророческим.

⁹³ ИРЛИ. Ф. 322. № 80. Л. 84 об.

⁹⁴ Вероятно, Лялин имеет в виду вышедшие в смирдинских изданиях сказки: *Пушкин А. С.* Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях // Библиотека для чтения. 1834. Т. 2. № 2. С. 1–37; *Жуковский В. А.* Сказка о царе Берендее, о сыне его Иване-царевиче, о хитростях Кощея бессмертного и о премудрости Марьи-царевны, Кощеевой дочери // Новоселье. 1833. Кн. 1. С. 37–68.

⁹⁵ *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. М.; Л., 1952. Т. 8. С. 54.

⁹⁶ *О. С.* [Сенковский О. И.]. «Новоселье». Книга вторая // Библиотека для чтения. 1834. Т. 3. № 5. С. 37; переизд.: Пушкин в прижизненной критике. 1834–1837 / Под общ. ред. Е. О. Ларионовой. СПб., 2008. С. 45.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-1-92-99

© М. Ю. Коренева, © Е. О. Ларионова

А. И. ТУРГЕНЕВ И Ф. В. ШЕЛЛИНГ. ДОПОЛНЕНИЕ К ТЕМЕ

История знакомства А. И. Тургенева и Ф. В. Шеллинга достаточно хорошо известна. Ее общие контуры восстановлены на основе дневников А. И. Тургенева и его многолетней переписки с немецким философом.¹ Лишь один небольшой эпизод выпал из поля

¹ См.: А. И. Тургенев и Шеллинг: по неизданным материалам / Публ., предисловие и прим. К. М. Азадовского и А. Л. Осповата // Вопросы философии. 1988. № 7. С. 152–164; *Резвых П. В.* Ф. В. Й. Шеллинг в диалоге с российскими интеллектуалами // Новое литературное обозрение. 2008. № 3 (91). С. 141–195; *Азадовский К. М.* Русские знакомства Шеллинга // Азадовский К. М.

зрения исследователей, обращавшихся к этому сюжету, хотя он, как представляется, заслуживает внимания, поскольку позволяет расширить наше представление о круге тем, которые затрагивались в личных беседах Шеллинга с его русскими знакомыми.

Речь идет о первых встречах А. И. Тургенева и Шеллинга в Карлсбаде в августе–сентябре 1825 года. Шеллинг приехал на курорт вместе с женой 6 августа 1825 года² и поселился в гостинице «Zum Weißen Hirsch» в центре города.³ В Карлсбаде в это время уже находился Н. И. Тургенев, который проходил здесь курс лечения с 1 июня 1825 года⁴ и ожидал приезда братьев — Сергея и Александра. Несмотря на то, что Н. И. Тургенев жил сравнительно недалеко от четы Шеллингов, в гостинице «Der Goldene Pelikan» на главной улице Карлсбада Альте Визе (№ 333),⁵ и маршруты, по которым передвигались отдыхающие, были не слишком разнообразны, случай свести знакомство так и не представился. Только через месяц после появления Шеллинга в Карлсбаде Н. И. Тургенев, наконец, «заметил» немецкого профессора. 6 сентября он записал в дневнике: «Шеллинг гов<орил> Чаад<ае>ву, что Spr<udel>, ein heroisches Mittel,⁶ действует и морально, придавая духу и т. п. Он хочет что-нибудь написать об этом. Это действие свойственно, гов<орит> Ш<елинг>, только одному Spr<udel> из всех и горячих вод».⁷ К этому моменту Александр Иванович, прибывший в Карлсбад вместе с братом Сергеем Ивановичем 8 августа, уже успел лично познакомиться с Шеллингом. Их первая встреча состоялась 24 августа.⁸ В тот день Шеллинг пригласил Александра Ивановича к себе, и они беседовали на протяжении часа. На следующий день они снова встретились, на сей раз случайно, и между ними состоялся продолжительный разговор.⁹ Затем последовали еще две встречи — 5 и 11 сентября,¹⁰ причем при последней из них присутствовали, судя по всему, и Николай Иванович, и Сергей Иванович. Во всяком случае, 11 сентября оба они отметили у себя в дневниках разговоры с Шеллингом. Николай Иванович записал: «Шеллинг сегодня мне говорил, что über die anderen Quellen läßt sich vieles sagen und commentiren; der Sprudel spricht für sich selbst¹¹ (на мое замечание, что многие восстают против Спр<уделя>). Eben so mit dem Wort Gottes, die Theologen wollen diverses darüber commentiren¹² и т. п. Погода славная».¹³ Ничего больше Николаю Ивановичу, сосредоточенному в этот период на проблемах здоровья, из беседы с Шеллингом не запомнилось, — стандартный разговор двух «курортников», хотя и с некоторым оттенком философской иронии,

Сюжеты и судьбы: Немецко-русские отражения. М., 2019. С. 51–53 (Rossica. Россия и Запад. Литературные связи и контакты; вып. 2).

² Здесь и далее даты даются по новому стилю.

³ Karlsbader Kur- und Badegästeliste für das Jahr 1825. Karlsbad, 1825. S. 55 (об.). Гостиница находилась на Рыночной площади (Marktplatz) в доме № 31 (Sartori F. Taschenbuch für Carlsbads Curgäste wie auch für Liebhaber von dessen Naturschönheiten. Wien; Prag; Carlsbad, 1817. S. 15).

⁴ Дневники и письма Н. И. Тургенева. Путешествие в Западную Европу 1824–1825 / Отв. ред. М. Ю. Коренева; подг. текста Е. О. Ларионовой; комм. Р. Ю. Данилевского, Н. Л. Дмитриевой, П. Р. Заборова, М. Ю. Кореновой, Е. О. Ларионовой. СПб., 2017. С. 354 (Архив братьев Тургеневых. Вып. 7).

⁵ Там же. С. 356, 490, 954.

⁶ Шпрудель, сильнодействующее средство (нем.). Здесь и далее перевод наш. — М. К., Е. Л.

⁷ Дневники и письма Н. И. Тургенева. С. 379.

⁸ См. запись в дневнике А. И. Тургенева от этого числа: ИРЛИ. Ф. 309. № 3. Л. 38 об.; Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825–1826 гг.) / Изд. подг. М. И. Гиллельсон. М., 1964. С. 293.

⁹ ИРЛИ. Ф. 309. № 3. Л. 39–40 об.; Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825–1826 гг.). С. 293–294.

¹⁰ ИРЛИ. Ф. 309. № 3. Л. 50, 54 об. — 55. Речь в данном случае идет только о тех встречах, которые отмечены в дневнике А. И. Тургенева. С учетом «географии» Карлсбада и его специфического распорядка дня, более или менее общего для всех отдыхающих, нельзя исключить, что были и другие, короткие встречи, о которых А. И. Тургенев ничего не написал.

¹¹ Об остальных источниках можно много рассуждать и высказывать о них различные соображения; Шпрудель же говорит сам за себя (нем.).

¹² Так и со словом Вожьим, как бы по-разному его ни стремились толковать теологи (нем.).

¹³ Дневники и письма Н. И. Тургенева. С. 380.

внесенной Шеллингом. Запись в дневнике Сергея Ивановича за тот же день чуть более содержательная: «Дурен лицом, болен и невесел <...>; очень простого обхождения, с живейшим воображением, которое, кажется, довело его до мистицизма, с большими, как сказывают, познаниями и в разных частях, между прочим Naturwissenschaft u<nd> Medicin, auch Mathematik.¹⁴ Впрочем, я мало говорил с ним, но от других слышал, что он признает христианство как бы доказанным пред трибуналом самого рассудка и что даже во многом согласен с St. Martin, коего начал было он читать, но не хотел продолжать, по причине сходства мыслей St. Martin с собственными своими. Если судить о нем по статье „Conversations-Lexicon“, то и в понятии о Боге он идет далее Канта, ибо и существование Бога рассудком доказывает, тогда как кенигсбергский философ останавливал рассудок на этом предмете и уже постигать оный предоставлял одной вере, т. е. призывался, что Бог непостижим, но что в него верить должно. Бог — аксиома. Впрочем, по той же статье, которой я только понял вторую половину, и Шеллинга Бог таков, что в него верить надобно, иначе не доберешься до него. — Надо, однако же, заметить, что Ш<еллинг> не доволен этою статьею, находит ее бездумною, geistlos, и сказал мне, что если бы она была писана его приятелем или человеком короче его знающим, то иначе бы вышла. В ней есть явные ошибки, например, что Ш<еллинг> ученик Фихте, от чего Ш<еллинг> отпирается».¹⁵ В общих чертах все это совпадает с записями Александра Ивановича,¹⁶ так что может сложиться впечатление, что его разговоры с Шеллингом вращались преимущественно вокруг философии самого Шеллинга, а также его оппонентов, внутрицеховой борьбы и текущей исторической и философской литературы, — тем, обсуждая которые Александр Иванович проявил осведомленность, хотя знания его в этой области были достаточно поверхностными. Это впечатление, однако, оказывается обманчивым, если принять во внимание небольшой фрагмент дневника Александра Ивановича, выпущенный при его публикации, подготовленной М. И. Гиллельсоном. Из этого фрагмента следует, что до того, как братья случайно встретились с философом на прогулке, Шеллинг заходил к Александру Ивановичу в гостиницу.¹⁷ «У меня был Шеллинг, — отметил А. И. Тургенев 11 сентября, — не застал меня и оставил брату стихи Гете».¹⁸ Из предыдущих дневниковых записей Александра Ивановича, относящихся к Шеллингу, невозможно определить, что послужило поводом для передачи стихотворения, однако его содержание позволяет восстановить по крайней мере одну из тем, которая определенно затрагивалась при их встречах. Александр Иванович счел необходимым переписать все стихотворение в дневник:

Подстрочный перевод:

Daemagogisch

Es wollt' einmal im Königreich
Der Frühling nicht erscheinen;
Der König, in der größten Noth,
Berieih sich mit den Seinen.
Da wurde nach des Kanzlers Rath
Dem ältesten Frosch befohlen,
Mit seiner jungen grünen Schaar,
Den Frühling einzuholen.
Qua, qua, qua!

Демагогическое

В одном королевстве
Все никак не наступала весна;
Король, видя такое чрезвычайное положение,
Посоветовался со своими приближенными.
По совету канцлера
Старейшей лягушке было велено
Вместе с ее юными сородичами
Призвать весну.
Ква-ква-ква!

¹⁴ Естественных наук, медицине, также математике (нем.).

¹⁵ ИРЛИ. Ф. 309. № 34 (старый шифр: № 32). Л. 8–8 об.

¹⁶ См. запись в его дневнике от 11 сентября: ИРЛИ. Ф. 309. № 3. Л. 55; *Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825–1826 гг.)*. С. 298 (здесь ошибочно датирована 9 сентября).

¹⁷ Александр и Сергей Тургеневы жили отдельно от Николая Тургенева, в соседней гостинице «Maltheserkreuz» на ул. Альте Визе (№ 334). См.: *Karlsbader Kur- und Badegästeliste für das Jahr 1825*. Karlsbad, 1825. S. 56 (об.).

¹⁸ ИРЛИ. Ф. 309. № 3. Л. 54 об.

Sobald der Frosch im Garten schreit,
Der König fühlt Behagen,
«Der Frühling», ruft er, «ist nicht weit,
Laßt mich in's Freie tragen».
So saß er nun auf sammtm Stuhl
In schön gestickten Jacken,
Und hörte in dem trüben Pfuhl,
Den Frosch manierlich quaken.

Ein zweiter fand sich bald hinzu,
Mit ihm zu concertiren,
Der Dritte stellte auch sich ein,
— Nun sagen sie zu Vieren. —
Ein jeder nahm das Maul recht voll
Den Frühling zu verkünden,
Und nebenbey dem König sich
Gehorsamst zu verbinden.
Qua, qua, qua!

Und immer toller ward der Lärm;
Der König konnts nicht tragen;
Da rief er seinem Kanzler zu,
Das Volk aufs Maul zu schlagen.
Der sprach: «Wir haben Frühlingszeit,
Und bleiben euch gewogen;
So schweiget nun, bey unserm Zorn,
Sonst soll, — Ihr Dämagogen!»

Da loben wir uns unser Reich!
Wie sind wir wohl berathen;
Was kümmern uns die Frösch im Teich,
Und ihre Potentaten.
Der Frühling geht, Der Frühling kehrt,
Der Herbst, der Winter wieder,
Wir aber singen unverwehrt
Die allerschönsten Lieder.

(Goethe)

Как только лягушка заголосила в саду,
Король успокоился.
«Весна уже не за горами, — воскликнул он, —
Вынесите меня на свежий воздух».
И так сидел он на бархатном стуле
В расшитом одеянии
И слушал, как в мутной луже
Чинно квакает лягушка.

Вскоре к ней присоединилась вторая,
Чтобы поучаствовать в концерте,
Затем явилась третья,
— И вот они уже поют вчетвером. —
Каждая старалась петь во всю глотку,
Чтобы возвестить наступление весны,
А заодно, как бы между прочим,
Изъявить королю свое нижайшее повиновение.
Ква-ква-ква!

И гомон их становился все громче и громче,
Король уже не мог более этого выносить;
Тогда призвал он канцлера
И велел заткнуть глотку народу.
Тот сказал: «У нас — пора весны,
И мы к вам благосклонны,
Но теперь — замолкните и не гневите нас,
Иначе... Слышите, демагоги!»

Но как нам не похвалить наше королевство!
Какие прекрасные нам тут дают советы;
Какое нам дело до лягушек в пруду
И их высоких покровителей.
Весна приходит, весна уходит,
Снова наступает осень, потом зима,
А мы продолжаем преспокойно петь
Распрекраснейшие песни.

(Гете)

Сочинителем стихотворения в действительности был не Гете, а Фридрих Фёрстер (Friedrich Förster, 1791–1868). Участник антинаполеоновских войн, однополчанин поэта Теодора Кёрнера, близкий друг Гегеля, добрый знакомый Гете, прусский поэт и историк, автор трудов, посвященных Фридриху Великому и Фридриху Вильгельму I, романа «Возвращение Петера Шлемиля» («Peter Schlemihl's Heimkehr», 1843), многочисленных пьес, патриотических песен и сатирических стихов; он имел прозвище «Придворный демагог» (Hofdemagoge),¹⁹ поскольку во всех своих публичных выступлениях так или иначе соединял лояльность к властям с радикальным германским патриотизмом в духе преследуемых в немецких землях «демагогов», под которыми со времен французской революции понимались симпатизанты якобинцев, т. е. политически неблагонадежные лица, а после Венского конгресса — сторонники возрождения Германской империи, члены немецких патриотических обществ, в первую очередь

¹⁹ Подробнее о нем см.: Scheuch E. Der Dichter und Historiker Dr. Friedrich Förster (1791–1868). Mit Besonderer Berücksichtigung seiner Dichtung. Wien, 1933; Fischer H. «Hofdemagoge» und preußischer Patriot. Anmerkungen zu Friedrich Förster anlässlich eines unbekanntenen Briefwechsels // Forschungen zur Brandenburgischen und Preußischen Geschichte. 2010. Vol. 20. S. 199–218.

студенческих союзов (буршеств) и корпораций, запрещенных «Карлсбадскими постановлениями» 1819 года во всех немецких землях.²⁰ Стихотворение это было опубликовано за подписью Гете еще в 1821 году в газете «Der Gesellschafter, oder Blätter für Geist und Herz»²¹ и в том же году воспроизведено на страницах «Neue Berliner Monatsschrift für Philosophie, Literatur und Kunst» в составе цикла «Три весенние песни» («Drei Frühlingslieder»), подписанного криптонимом «F»;²² в 1823 году стихотворение было положено на музыку Г. Б. Биреем (Gottlob Benedict Bierey, 1772–1840) для кружка хорового пения в Бреслау, к которому принадлежал и сам композитор, а ноты отправлены в качестве подношения Гете, который после выхода в свет в 1824 году печатного издания нот с текстом²³ и появления развернутой отрицательной рецензии известного музыкального критика Готфрида Вебера (Gottfried Weber, 1779–1839) в журнале «Cäcilia»²⁴ взялся писать опровержение, но не довел задуманное до конца. В сохранившемся фрагменте опровержения, в частности, говорится: «Очень скверное стихотворение, которое я никогда не признаю своим — ни по содержанию, ни по форме, ни по умунастроению».²⁵ И действительно, эта поэтическая «шутка», прозрачно намекавшая на улетучившиеся после Венского конгресса и «Карлсбадских постановлений» 1819 года надежды немецких «патриотов», никак не соотносилась ни с политическими взглядами Гете-министра, ни с художественными принципами Гете-поэта: как высокопоставленный чиновник великого герцогства Саксен-Веймар-Эйзенахского он настороженно относился к либеральной политике великого герцога Карла Августа (Carl August von Sachsen-Weimar-Eisenach, 1757–1828), который не только одним из первых правителей немецких земель ввел конституцию, а также закон о свободе печати и мнений (в мае 1816 года), но и поощрял деятельность студенческих союзов; как поэт Гете избегал актуальных политических тем, полагая, что политика как «предмет» несовместима с поэзией.²⁶ Если учесть поэтическую «аполитичность» Гете, никогда открыто не высказывавшегося по поводу острых текущих событий, то вполне понятно, что публикация стихотворения «Демагогическое» не могла пройти незамеченной, особенно в кругу тех, кто хорошо его знал. В этот круг входил и Шеллинг, которого Гете в 1798 году пригласил преподавать в Йенском университете, ставшем после 1814 года центром патриотического студенческого движения; Шеллинг провел в Йене почти пять лет, и за эти годы между ним и Гете установились дружеские отношения, которые

²⁰ О понятии «демагог» подробнее см.: Коренева М. Ю. Ускользающий «демагог»: перекрестки культуры и тупики перевода (Из истории политической лексики) // Многоязычие и национальные культуры России в зеркале английского, французского, немецкого, русского и других языков. СПб., 2018. С. 178–194.

²¹ Der Gesellschafter, oder Blätter für Geist und Herz. 1821. № 166. 17. Oktober. S. 769.

²² Neue Berliner Monatsschrift für Philosophie, Literatur und Kunst. 1821. Bd 1. H. 5. S. 383–388.

²³ Dämagogisch. Gedicht von Goethe, für eine Singstimme und vier Frösche, mit Begleitung des Pianoforte, in Musik gesetzt von G. M. Biery. Breslau, 1824.

²⁴ Cäcilia. Eine Zeitschrift für die musikalische Welt. 1824. Bd 1. S. 133–139.

²⁵ Goethe J. W. Schriften zu Literatur und Theater / Hrsg. von W. Rehm // Goethe J. W. Gesamtausgabe der Werke und Schriften: In 22 Bde. Stuttgart, 1958. Abt. 2. Bd 15. Schriften. S. 783; см. также: Die Entstehung von Goethes Werken in Dokumenten / Hrsg. von K. Mommsen. Berlin; New York, 2010. Bd 6. S. 173.

²⁶ См., например, суждение Гете, высказанное в разговоре с И. Эккерманом в начале марта 1832 года: «Поостережемся, однако, вместе с нашими современными литераторами говорить, что политика — это поэзия, или хотя бы — подходящая тема для поэта. Английский поэт Томсон написал превосходное стихотворение о временах года и прескверное о свободе, и не потому, что поэту не достало поэтичности, ее не достало теме» (Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни / Пер. Н. Ман. М., 1981. С. 443). Подробнее об отношении Гете к политическим темам в поэзии, а также его отношении к студенческим патриотическим союзам см.: Gudde E. Goethe und die politische Dichtung // Monatshefte. 1952. Vol. 44. № 4/5. S. 176–186; Hörscher-Lohmeyer D. Johann Wolfgang Goethe. München, 1999. S. 102; Rothe W. Der politische Goethe: Dichter und Staatsdiener im deutschen Spätabolutismus. Göttingen, 1998. S. 181–183; Kaupp P. Goethe und die Burschenschaft // Für Burschenschaft und Vaterland. Festschrift für den Burschenschaftler und Studentenhistoriker Prof. (FH) Dr. Peter Kaupp. Nordestedt, 2006. S. 309–335.

поддерживались и в дальнейшем, когда Шеллинг покинул Йену.²⁷ В основе этой дружбы лежал не только взаимный интерес и уважение, не только личная приязнь, свидетельством которой стало, в частности, живое участие Гете в устройстве матримониальных дел Шеллинга,²⁸ но и некоторая общность политических взглядов: как и Гете, Шеллинг не одобрял действий «*Deutschtümлер*» — сторонников германской идеи, распространившейся в немецких университетах, предпочитая при этом вонне сохранять «нейтралитет»,²⁹ хотя репрессивные «Карлсбадские постановления», принятые не без закулисного участия России,³⁰ у него особого энтузиазма не вызывали. Об этом можно судить, к примеру, по его письму к шведскому поэту и философу П. Д. Аттербому (Per Daniel Atterbom, 1790–1855) от 16 марта 1820 года: «Карлсбадские постановления, как и большую часть мер, принимаемых Пруссией, не может одобрить ни один благомыслящий человек, ибо они нецелесообразны и в результате смещения безобидного и опасного неизбежно произведут обратное действие, то есть будут способствовать объединению оппозиции».³¹ Но дальше обсуждения актуальных политических тем в частной переписке или частных беседах Шеллинг не шел, хотя начавшиеся репрессии в отношении студентов и профессоров немецких университетов не могли не вызывать тревоги и естественным образом волновали философа.

Пик этих репрессий пришелся на 1823–1825 годы, когда Центральная следственная комиссия в Майнце, учрежденная в соответствии с «Карлсбадскими постановлениями» для пресечения «демагогических происков», раскрыла два тайных общества — «Юношеский союз» («*Jünglingsbund*») и «Мужской союз» («*Männerbund*»), ставивших своей задачей, по мнению следствия, насильственное изменение государственного строя и объединение немецких земель в единое государство.³² Весь 1824 год и первая половина 1825 года прошли под знаком арестов членов запрещенных союзов и участников студенческих съездов, проходивших в этот период в разных городах (в Йене, Дрездене, Вюрцбурге и др.). Среди арестованных по данному делу оказался и ученик Шеллинга — французский философ Виктор Кузен (Victor Cousin, 1792–1867): он был задержан в Дрездене в октябре 1824 года, доставлен в Берлин и помещен под стражу в кёппеникскую тюрьму, откуда вскоре был выпущен под надзор полиции по ходатайству Гегеля.³³ Кузену было предъявлено обвинение в том, что он служил посредником между французскими и немецкими «революционерами»,

²⁷ Об отношениях между Гете и Шеллингом см. подробнее: *Fröschle H. Goethes Verhältnis zur Romantik. Würzburg, 2002. S. 93–96.*

²⁸ Шеллинг женился в 1803 году на Каролине Шлегель, бывшей жене Августа Шлегеля; Гете помог получить от великого герцога Карла Августа разрешение на развод четы Шлегелей.

²⁹ Подробнее см.: *Handbuch: Deutscher Idealismus / Hrsg. von J. Sandkühler. Weimar, 2005. S. 194–199; Beyne K. von. Geschichte der politischen Theorien in Deutschland 1300–2000. Wiesbaden, 2009. S. 268; Schmiljun A., Thiel V. Schelling und die antipolitische Moderne: Ist die parlamentarische Demokratie in Gefahr? Berlin, 2017.*

³⁰ Одним из импульсов к принятию «Карлсбадских постановлений» стала «Записка о нынешнем положении Германии» (1818) А. С. Стурдзы (1791–1854). См. подробнее: *Brinkmann C. Die Entstehung von Sturdza's «Etat actuelle de l'Allemagne». Ein Beitrag zur Geschichte der deutsch-russischen Beziehungen // Historische Zeitschrift. 1919. Bd 120. S. 80–102; Мартин А. А. С. Стурдза и «Священный Союз» (1815–1823 гг.) // Вопросы истории. 1994. № 11. С. 145–151; Лямина Е. Э. Новая Европа: мнения «деятельного очевидца» (А. С. Стурдза в политическом процессе 1810-х годов) // Россия = Russia. М., 1999. Вып. 3 [11]: Культурные практики в идеологической перспективе: Россия, XVIII — начало XX века. С. 135–145.*

³¹ *Aus Schellings Leben in Briefen: In 3 Bde. / Hrsg. von G. L. Plitt. Leipzig, 1870. Bd 2. S. 437.* См. также: *Гулыга А. В. Шеллинг. 2-е изд. М., 1984. С. 219.*

³² Раскрытие этого заговора послужило поводом для продления действия «Карлсбадских постановлений» на следующие пять лет по решению бундестага, принятому 16 августа 1824 года. Подробнее см.: *Acten-Stücke über die unter dem Namen des Männer-Bundes und des Jünglings-Bundes bekannten demagogischen Umtriebe / Hrsg. von C. Follenberg. Leipzig, 1833; Fraenkel H. Männerbund und Jünglingsbund. Freiburg, 1912.*

³³ Об участии Гегеля в деле Кузена подробнее см.: *Fischer K. Hegels Leben, Werke und Lehre. Heidelberg, 1901. Bd 1. S. 170–171; Д'Онт Ж. Гегель = Hegel: Биография / Пер. с фр. А. Г. Погоряйло. СПб., 2012. С. 276, 352–353.*

однако ему удалось оправдаться, и уже в мае 1825 года он был освобожден от обвинений.³⁴ Эти последние политические гонения в немецких землях и стали, судя по всему, одной из тем, которую обсуждали Шеллинг и А. И. Тургенев в Карлсбаде в августе–сентябре 1825 года. Разговор коснулся и аналогичных процессов в России, не столь масштабных, как в Германии, но по своей направленности созвучных им: уже при первой встрече (24 августа) Шеллинг поинтересовался судьбой своего ученика и друга Юзефа Голуховского (1797–1858),³⁵ профессора Виленского университета, отстраненного от преподавания в марте 1824 года в связи со следствием по делу о тайных студенческих обществах (филоматов и филаретов), участники которых были преданы суду осенью 1824 года.³⁶

Вероятно, Шеллинг говорил о политических преследованиях и при последующих встречах с А. И. Тургеневым. В продолжение этих бесед Шеллинг и принес А. И. Тургеневу стихотворение «Демагогическое», считая его новым сочинением Гете. Судя по всему, Шеллинг не знал о публикации 1821 года и случайно натолкнулся на это стихотворение в журнале «Säcilia», который мог быть доступным в карлсбадской книжной лавке. Во всяком случае, текст, который он переписал для А. И. Тургенева, совпадает с тем, что был опубликован в «Säcilia», хотя имелась и другая, отличавшаяся мелкими деталями версия, которая была воспроизведена без указания имени автора под названием «Поздняя весна» («Der späte Frühling») в одном из июльских номеров 1825 года газеты «Morgenblatt für gebildete Stände»,³⁷ также продававшейся в Карлсбаде. О том, что это стихотворение вызвало живейший интерес Шеллинга, свидетельствуют воспоминания его гостей из Швеции, которых он принимал у себя незадолго до того дня, когда передал А. И. Тургеневу «Демагогическое»: 29 августа у него побывали Малла Силферстолпе (Malla Silberstolpe, 1782–1861), известная держательница литературного салона в Уппсале, считавшегося центром культурной и интеллектуальной жизни Швеции этих лет, Эрик Густав Гейер (Erik Gustaf Geijer, 1783–1847), профессор истории Уппсальского университета, поэт-романтик, издавший шведские народные песни, и молодой композитор Адольф Фредерик Линдبلاد (Adolf Fredrik Lindblad, 1801–1878), снискавший впоследствии славу «шведского Шуберта». «Разговор вращался в основном вокруг политических предметов. <...> Шеллинг прочитал нам новое стихотворение Гете, написанное в связи с демагогическими происками, которые здесь в Германии приковывают к себе всеобщее внимание», — записала в дневнике Малла Силферстолпе и дальше коротко пересказала содержание этой «забавной шутки».³⁸ Запомнился этот вечер и Гейеру: «Обсуждали важнейшие события последнего времени. Он (Шеллинг. — М. К., Е. Л.) откровенно признался, что у него еще не сложилось определенное мнение по этому вопросу. Потом, когда мы уже расстались, я долго обдумывал, что может стоять за этим признанием».³⁹ Вероятно, именно желанием так или иначе сформулировать свое отношение к этой теме объяснялось то, что Шеллинг заводил разговор о ней и с мало знакомыми ему людьми, к числу которых относились и его гости из Швеции, и А. И. Тургенев. Последний никак не прокомментировал в дневнике подаренное ему стихотворение и, похоже, не обсуждал его с братьями: ни в дневнике Николая Ивановича, ни в дневнике Сергея Ивановича этот эпизод не упоминается, хотя по крайней мере у Сергея Ивановича оно могло бы вызвать отклик, если учесть, с каким жаром в 1819 году он взялся писать опровержение

³⁴ Protokolle der deutschen Bundesversammlung. Frankfurt a/M., 1831. S. 309, 310, 324, 340, 341.

³⁵ ИРЛИ. Ф. 309. № 3. Л. 38 об.; Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825–1826 гг.). С. 293.

³⁶ См.: Лобойко И. Н. Мои воспоминания. Мои записки / Вступ. статья, подг. текста, сост. библиографического списка и комм. А. И. Рейтבלата. М., 2013. С. 183–192, 277.

³⁷ Morgenblatt für gebildete Stände. 1825. № 157. 2. Juli. S. 625.

³⁸ Montgomery-Silberstolpe M. Das romantische Deutschland: Reisejournal einer Schwedin 1825–1826. Leipzig, 1912. S. 77.

³⁹ Aus Erik Gustav Geijers Erinnerungen // Morgenblatt für gebildete Stände. 1835. № 151. 25. Juni. S. 602.

«Записки» А. С. Стурдзы, послужившей толчком для ограничения академических свобод в университетах Германии и преследований «демагогов».⁴⁰

Для Александра Ивановича, однако, «демагогические разговоры» с Шеллингом оказались все же значимыми: уже расставшись с Шеллингом, за несколько дней перед выездом из Карлсбада, он составил список книг, которые намеревался купить во Франкфурте-на-Майне, и включил в него принятый в 1815 году Основополагающий договор Германского союза (Bundesakte), дополненный «Карлсбадскими постановлениями» в 1819 году, собираясь изучить эти важные для понимания становления конституционализма в Германии и оценки текущей политической жизни документы.⁴¹ Здесь же он отметил труды, которые планировал перечитать. Открывается этот перечень именами историка А. Г. Л. Геерена (Arnold Ludwig Heeren, 1760–1842) и философа Я. Ф. Фриза (Jakob Friedrich Fries, 1773–1843), представивших две крайние точки зрения на Германский союз и послевоенное устройство немецких земель. Первый из них, профессор истории Гёттингенского университета, стоял на охранительно-консервативных позициях и приветствовал создание союза, обосновав его «пользу» в работе «Германский союз в его отношении к европейской государственной системе» («Der Deutsche Bund in seinen Verhältnissen zu dem europäischen Staatensystem», 1816), второй считался давним оппонентом Шеллинга, а также идеологом «демагогического движения», за что был отстранен в 1818 году от преподавания в Йенском университете по решению Центральной следственной комиссии в Майнце; в 1816 году он выпустил в свет работу «О Германском союзе и Германской конституции» («Von Deutschem Bund und Deutscher Staatsverfassung») с критикой идеи союза в том виде, как он был утвержден Венским конгрессом. Именно эти сочинения вошли в список А. И. Тургенева, который, покидая Карлсбад, записал в дневнике: «Отсюда, т. е. из Карлсбада (1819), распространился мрак на университеты»,⁴² — замечание, явно навеянное беседами с Шеллингом, благодаря которому А. И. Тургенев увидел курортный Карлсбад в новой для себя перспективе — как город, где была решена политическая судьба современной ему Германии.

⁴⁰ См.: «Письмо к барону де М<ериану> о состоянии умов в Германии» С. И. Тургенева (Материалы к истории русско-европейской политической жизни 1810-х годов) / Публ., вступ. статья и пер. с фр. Е. О. Ларионовой; прим. М. Ю. Кореновой // Французские и франкоязычные рукописи в России (XVIII — начало XX в.). М., 2019. С. 212–275.

⁴¹ ИРЛИ. Ф. 309. № 3. Л. 60.

⁴² Там же. Л. 61.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-1-99-102

© Л. А. Трахтенберг

БАСНЯ И. А. КРЫЛОВА «ЛЕЩИ» И ЕЕ ФРАНЦУЗСКИЙ ИСТОЧНИК

«Лещи» — одна из поздних басен И. А. Крылова. Созданная, вероятно, в 1829 году, она была впервые опубликована в издании «Басен Ивана Крылова» 1830 года, где вошла в VIII книгу под номером XX.¹ Благодаря сохранившимся рукописям история работы автора над текстом хорошо документирована,² однако источник сюжета

¹ Могиланский А. П. Комментарии // Крылов И. А. Басни / Изд. подг. А. П. Могиланский; отв. ред. Ф. Я. Прийма. М.; Л., 1956. С. 532 (сер. «Литературные памятники»).

² Кеневич В. Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. 2-е изд., с приложением материалов для биографии И. А. Крылова. СПб., 1878. С. 241; Могиланский А. П. Комментарии // Крылов И. А. Басни. С. 532–533.